

Глушко Ирина Васильевна

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории, философии и политологии
Азово-Черноморского инженерного института –
филиала Донского государственного аграрного
университета в г. Зернограде

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ДОВЕРИЯ И НЕДОВЕРИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация:

В статье установлены теоретико-методологические проблемы изучения институционализации доверия и недоверия как социальных практик. Показана ангажированность доверия и недоверия как социальных практик в процессе их институционализации в российском обществе. Раскрыты социальные последствия институционализации доверия и недоверия как социальных практик в современном российском обществе.

Ключевые слова:

доверие и недоверие, институционализм, социальный институт, социальные практики, механизм институционализации, ангажированность, интернализация, экстернализация, гражданское общество.

Glushko Irina Vasilyevna

PhD in Philosophy,
Assistant Professor,
History, Philosophy and Political Science Department,
Azov-Black Sea Institute of Engineering,
Zernograd branch of Don State Agrarian University

THE INSTITUTIONALIZATION OF CONFIDENCE AND NON-CONFIDENCE AS SOCIAL PRACTICES IN THE RUSSIAN SOCIETY

Summary:

The article deals with the theoretical and methodological problems of studying the institutionalization of confidence and non-confidence as social practices. The author considers the political bias of confidence and non-confidence as social practices in the process of their institutionalization in the Russian society. The paper discusses social consequences of the institutionalization of confidence and non-confidence as social practices in the modern Russian society.

Keywords:

confidence and non-confidence, institutionalism, social institution, social practices, mechanism of institutionalization, political bias, internalization, externalization, civil society.

В условиях многовекторной трансформации российского общества проблема доверия и недоверия как социальных практик нуждается в специальном теоретическом осмыслении. Необходим целостный взгляд на данную проблему. Однако анализ современного состояния избранной проблемы позволяет выявить противоречия между объективно заданной обществом и наукой потребностью в изучении доверия и недоверия как социальных практик и недостаточно глубокой научной проработкой означенного вопроса. Целый ряд аспектов данной проблемы еще не являлся предметом научных исследований. Остается не исследованным недоверие, выступающее в единстве с доверием, в условиях кризиса и нарастания тотального отчуждения сопровождающее доверие, но осложняющее его функционирование. Речь идет также о комплексе факторов трансформации доверия и недоверия как социальных практик, его влиянии на возникновение, развитие или разрушение компонентов системы доверия. Не исследован механизм институционализации доверия и недоверия как социальных практик. Доверие и недоверие как социальные практики, имеющие тенденцию к институционализации в российском обществе, еще не выступали предметом специального научного изучения, в том числе и с точки зрения методологии исследования.

Категоризация как когнитивная познавательная процедура, основанная на предварительном концептуальном анализе различных исследовательских подходов, синтезирующих представления о сущности доверия и недоверия, позволяет определить доверие как опосредующий «механизм» построения социальных отношений, выступающий в форме социальной саморегуляции, основанной на совокупности формальных и неформальных ограничений, структурирующих социальные практики в трансформирующемся обществе. Недоверие при этом является составной частью системы доверия, которое сопровождает доверие, но проблематизирует его сущность и осложняет функционирование в социальных практиках в условиях трансформирующегося общества.

Доверие и недоверие могут рассматриваться с точки зрения их взаимодействия, в системе. Система доверия представляет собой совокупность эмоционально-нравственных, когнитивных, коммуникативных, поведенческих/деятельностных, ценностно-нормативных структурных компонентов и признаков доверия и недоверия, находящихся во взаимосвязи и взаимодействии и образующих доверие и недоверие как целостное явление, структурирующее социальные практики с точки зрения их самоорганизационного потенциала в системе социальной саморегуляции. Как опосредующий «механизм» построения социальных отношений, выступающий социальной

саморегуляцией, доверие в сочетании с недоверием выполняет коммуникативную, деятельностную и конструктивную функции, которые составляют практический инструментарий системы доверия в пространстве социальных практик.

Исследования проблемы институционализации социальных практик базируются на различных представлениях об отношениях между социальными практиками и социальными институтами.

Представления об институтах в рамках синтеза нормативной [1] и когнитивной [2] концепций социальных институтов, а также неинституционального деятельностного [3] подхода дают основания рассматривать институты, определяющие социальные практики, и социальные практики, которые трансформируют или порождают институты. Устойчивые неформальные отношения и правила превращаются в институт как когнитивное образование путем прохождения интернализации в процессе социальных интеракций. Происходит освоение, осмысление индивидом или группой внешних по отношению к ним социальных ценностей, норм, установок, стереотипов и их превращение во внутренние установки. В результате экстернализации происходит переход из субъективного в объективное, реализация институтов как когнитивных образований в действиях. Поскольку индивидуальные или группа должны непрерывно экстернализовать себя в деятельности, то социальные институты создаются на основе экстернализации ранее усвоенных социальных и правовых норм.

Доверие и недоверие складываются как естественный вид основанных на ментальных установках повседневных многократно повторяющихся, опривыченных социальных практик, и с усилением их рационального содержания происходит замещение неосознанных (подразумеваемых или привычных, само собой разумеющихся, некалькируемых) элементов системы доверия на более формализованные, четко определенные, зафиксированные сначала во внутриличностных нравственных убеждениях, затем – в общественных моральных и, наконец, в правовых нормах. В результате экстернализации доверие и недоверие становятся одним из оснований репертуаров социальных действий, которые трансформируют старые или порождают новые элементы социального порядка, в том числе социальные институты и практики.

Поэтому институционализация доверия и недоверия как социальных практик может рассматриваться как процесс становления неформального (не закрепленного на законодательном уровне) института доверия и недоверия как устойчивой нормы неформальных отношений и правил, формирующейся в процессе институционализации неформальных практик, подкрепляемой формальными нормами и обеспечивающей воспроизводство социальных отношений на макро-социальном уровне.

Доверие и недоверие как репертуары социальных действий и взаимодействий, которым имманентно присуща тенденция к институционализации, являются результатом развития самого общества, ответом на возникающие социальные потребности и запросы и в этом смысле отличаются ангажированностью/«вовлеченностью» [4].

В ситуации преобладания комплекса неблагоприятных внутренних и внешних социально-экономических и социально-политических факторов на макросоциальном уровне в современном российском обществе доминирует высокое институциональное доверие к первому лицу государства и церкви [5]. Доверие в данном случае является ангажированной, сознательно выбранной социальной позицией. Факт наличия высокого институционального доверия основан на формировании доверия как ментальной установки, наполнении и укреплении этой установки рациональным содержанием, а также подкреплении ее формальными нормами со стороны государства. В случае наличия высокого институционального доверия к первому лицу государства доверие складывается, во-первых, как проекция сакрального, традиционного, мифологизированного отношения к власти, во-вторых, под влиянием социального статуса, занятия высшей социальной позиции, в-третьих, как свидетельство отсутствия альтернативного выбора.

Высокое доверие к церкви, во-первых, является свидетельством относительной «нейтральности» этого института; во-вторых, объясняется тем, что православие выступает в числе возможных объединительных национальных идей; в-третьих, обусловлено ролью церкви как носителя связанных с доверием высоких моральных смыслов и ценностей. Однако в отношении к церкви просматривается структура двоемыслия («атеизм на деле» и «безбожие в помыслах и делах»), и доверие к ней отчасти является замещением фрустрирующего социального опыта. Доверие к оккультным практикам, обращение людей к мистике, сектанству также «замещает» недоверие к большинству социальных институтов, и церкви в том числе.

Наиболее существенный с 2012 г. рост доверия фиксируется специалистами по отношению еще к одному институту – армии [6]. Это подкрепляется, во-первых, «извне» – «отголосками» патриотизма советских времен; во-вторых, формальными нормами со стороны государства; в-третьих, успехами военных операций последнего времени.

Барьеры для формирования доверия как социальной практики в российском обществе задаются недоверием, обусловленным фактом наличия негативного опыта взаимодействия граждан с большинством формальных государственных институтов, в частности судами, полицией, муниципальными органами. В этом случае ангажированной, сознательно выбранной социальной позицией является недоверие.

В институциональных практиках происходит формализация недоверия как опривыченной установки. Это является результатом развития самого общества, ответом на все возрастающую потребность в безопасности и обеспечении социального порядка. В этой ипостаси недоверие выступает, с одной стороны, в качестве блокиратора опасности нарушения доверия, с другой – как своеобразный гарант безопасности. В отношении недоверия как социальной практики прослеживается более сложный механизм институционализации. Общество, будучи априори уверенным, что социальный порядок может быть нарушен, заранее блокирует возможности этого нарушения, создавая «формализованные и институционализированные структуры, условно разделяющие пространство доверия и недоверия». Специалисты относят к таковым «процедурные и документальные формы-фильтры», «институционализированные формы», а также «специализированные институты легального недоверия и насилия» [7, с. 20–21, 41].

Исследователи фиксируют также появление более сложных, строго не фиксируемых, образующихся в зонах игры на модусах «своих» и «чужих», замещающих продуктивную социально-практическую деятельность и приближенных к недоверию форм псевдодеятельности, таких как социальная мимикрия, откровенная ложь, лицемерие, имитация в таких ее проявлениях, как «демагогия, фальсификация, провокация, профанация, манипулирование общественным сознанием и поведением, иллюзии, перформанс» [8, с. 23].

Процессы институционализации доверия и недоверия как социальных практик в последние десятилетия повлекли за собой ряд социальных последствий в современном российском обществе. Низкий уровень доверия абсолютному большинству институтов, и в частности политическим институтам современного российского общества, свидетельствует о наличии очень высокой отчужденности людей от политики и недоверия к ней. Однако такое внутреннее негативное отношение сочетается с внешним лояльным поведением, результатом нормативной рационалистической установки на доверие («не высовываться», «не противоречить власти»), перенесенной из советских времен.

Такой активный перенос, удержание и консервирование социальных практик объясняется консервативной институциональной средой. Внутреннее недоверие к большинству социальных институтов в сочетании с внешним церемониальным доверием образует своеобразный гибрид «доверие-недоверие» как «полудоверие», «игру в доверие», определенный способ социального маневрирования, приспособления к сложившемуся порядку господства властных институтов. Возникает принципиальная двойственность/амбивалентность, где под видимым доверием находится скрытое недоверие, имитирующее доверие. Признаки доверия и недоверия уже не являются принципиально дифференцированными, они взаимодействуют, сочетаются и взаимопроникают друг в друга таким образом, что их трудно разграничить, а порожденные в результате этого взаимодействия формы квази- и псевдодоверия пытаются совместить сущности и доверия, и недоверия.

Гибрид «доверие-недоверие» как искусственный симулятивный образ массового и индивидуального сознания становится одним из оснований модальной модели личности как наиболее распространенного в данной социокультурной среде и в конкретно-исторических условиях типа личности, воспроизводящего осознанное социальное поведение индивидов. Содержание этой гибридной модели преуменьшает деятельностный, коммуникативный и конструктивный потенциал доверия и, соответственно, сдерживает возможности достижения стабильности и динамичности развития социальных практик, связанных с доверием.

В таких условиях наиболее приемлемой для современного российского общества является стратегия, ориентированная, во-первых, на продолжение трансформаций традиционных социально-политических институтов в русле преодоления их консерватизма и формирования своевременной и адекватной реакции на требования гражданского общества; во-вторых, на расширение среды гражданского общества. Последнее возможно за счет увеличения разнообразных выступающих в роли альтернатив традиционным институтам внеинституциональных форм общественной самоорганизации, их легитимации и превращения в самостоятельные институциональные формы. Организационные паттерны некоторых форм гражданских инициатив становятся все более формализованными, институционально заданными и «встраиваются» в плотную институциональную структуру. Это означает, что вырабатывается механизм институционализации доверия и недоверия как социальных практик.

Формирующийся на принципах социальной справедливости и доверия своеобразный «альянс» обновленных традиционных социально-политических институтов и способных влиять

на государство и взаимодействовать с ним внеинституциональных форм общественной самоорганизации, представляющих тренд на рост гражданского активизма, социальной солидарности и политического участия граждан, будет работать в направлении создания баланса социальных интересов. В этом отношении доверие может выступать в качестве одной из гражданских ценностей как оснований общегражданского согласия и интеграции. В свою очередь, это позволит преобразовать гибридную форму «доверие-недоверие», снизив «градус» недоверия для того, чтобы достичь необходимого баланса оптимальных уровней доверия и недоверия.

Ссылки:

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. 180 с.
2. Димаджио П. Культура и хозяйство // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М., 2004. С. 471–518.
3. Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика // Прогнозис. 2007. № 2. С. 188–211.
4. Глушко И.В. Ангажированность недоверия в условиях транзитивных социальных отношений // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. № 3. С. 103–107.
5. Горяшко С. Больше всего граждане доверяют армии, церкви и президенту [Электронный ресурс] // Коммерсант. 2015. 20 апр. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2713349> (дата обращения: 24.09.2015).
6. Князев С. Почему в России резко выросло доверие к армии? [Электронный ресурс] // Политическая Россия. 2015. 12 янв. URL: <http://politruussia.com/politkasha/pochemu-v-rossii-382/> (дата обращения: 28.11.2015).
7. Гудков Л.Д. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. 2012. № 2. С. 8–47.
8. Тощенко Ж.Т. Новые лики деятельности: имитация // Социс. 2012. № 12. С. 23–35.

References:

- DiMaggio, P 2004, 'Culture and Services', *Western Economic Sociology: A Reader of modern classics*, Moscow, pp. 471-518, (in Russian).
- Glushko, IV 2015, 'Bias confidence in the conditions of transitive social relations', *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, no. 3, pp. 103-107, (in Russian).
- Goryashko, S 2015, 'Most of the citizens trust the army, the church and the president', *Kommersant*, April 20, (in Russian).
- Gudkov, LD 2012, "'Trust' in Russia: the meaning, function, structure", *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no. 2, pp. 8-47, (in Russian).
- Helmke, G & Levitsky, S 2007, 'Informal Institutions and Comparative Politics', *Prognosis*, no. 2, pp. 188-211, (in Russian).
- Knyazev, S 2015, 'Why sharply increased the credibility of the Russian army?', *Politicheskaya Rossiya*, January 12, (in Russian).
- North, D 1997, *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*, Moscow, 180 p., (in Russian).
- Toshchenko, ZT 2012, 'New faces of activity: imitation', *Sotsis*, no. 12, pp. 23-35, (in Russian).